

Радек Карл Бернгардович

Портреты и памфлеты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл Бернгардович Р.**
Портреты и памфлеты / Радек Карл Бернгардович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
330 с.

ISBN 978-5-519-80158-4

ISBN 978-5-519-80158-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

*ПАМЯТИ
НЕЗАБВЕННОГО ДРУГА*

ЛАРИСЫ МИХАЙЛОВНЫ

РЕИСНЕР

*БОРЦА И ПЕВЦА
ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

КНИГУ ЭТУ ПОСВЯЩАЮ

КАРЛ РАДЕК

ОТ АВТОРА

I том «Портретов и памфлетов» является перепечаткой изданной в 1927 г. под тем же названием книги. Я в тексте ничего не менял, хотя суждения о людях и событиях подлежат влиянию исторического опыта. Исключение сделал я только в двух случаях: я выбросил из книги портрет Л. Д. Троцкого и полемику с М. Горьким.

Что касается этой последней, то она является только историческим документом. Наши разногласия с Горьким оказались временными. Горький — величайший борец за социалистическую стройку. Его роли посвящена статья во II томе, и незачем вспоминать старую борьбу.

Если разногласия с великим пролетарским писателем оказались временными, то роль Троцкого в Октябрьской революции оказалась тоже только временным эпизодом. Заблестев, как метеор, он упал обратно в болото борьбы против большевизма и скатился в лагерь контрреволюции. Автор уплатил сам дань троцкизму и, порвав с ним, считает невозможным перепечатывать в этой книге, посвященной боям за социализм, свою исторически ошибочную статью.

В борьбе с Врангелем принимала участие сводная бригада московских и петроградских курсантов. В ночном бою за обладание городом Ореховым часть их была взята в плен дроздовцами. На месте казни они должны были сами рыть себе могилу. Они пели при этом Интернационал и под его звуки падали. Памяти их была посвящена речь на собрании московских курсантов 24 октября 1920 г. в здании академии Красной армии. Пусть она послужит вступлением к этой книге борьбы.

REQUIEM

Сегодня я буду говорить о вопросе, о котором мы должны были бы говорить больше, чем о каком-либо другом, но о котором никто из нас, наверное, вслух никогда не говорит. Нам всем приходилось много раз смотреть смерти в глаза. Многие из нас были в положении, когда казалось, что только чудо может нас спасти. Но ни в эти моменты, ни позже никто из нас не задумывался над тем, что такое смерть, что такое жизнь наша. Почему вы, молодежь, которая еще не жила, вы, которые еще от жизни ничего радостного не вкусили,— почему вы должны спокойно, сознательно идти на опасность, смотреть смерти в глаза и, когда этого потребуют обстоятельства, не только погибнуть, но погибнуть с глубоким убеждением, что эта *смерть есть высшее подтверждение жизни, что в этой смерти выражается все, что есть лучшего в нашей жизни, что мы, можно сказать, живем лишь для того, чтобы быть достойными такой смерти?* Об этом вопросе никто из нас не думает в момент опасности. Когда же опасность минует, каждый идет на свой пост, делает свою тяжелую работу, и нет у него даже времени подумать об этом, а если бы время и было, то нет уголка, где он мог бы один, сам с собою продумать эту думу.

Сегодня, собравшись, чтобы осмыслить смерть наших героических товарищей, мы все чувствуем, что они не погибли, что они живут в нас, что мы живем, дабы продолжать их дело. Чувствуя это, мы спрашиваем: *было ли*

время, когда не мы, не рабочая и крестьянская молодежь, а сыновья того класса, с которым мы боремся не на жизнь, а на смерть, думали так же, как и мы, что стоит умирать за то, чтобы жило отечество, которое они создали?

Это — не праздный, не книжный вопрос. Он помогает нам уяснить себе самый важный источник нашей силы.

Когда буржуазия творила жизнь, она не боялась смерти. Достаточно вспомнить время Французской революции. Это было время, когда французская молодая буржуазия взялась за создание новой жизни, когда она разбила старый феодальный, крепостнический строй, когда она освободила мужика-крестьянина от ига помещика, освободила от жизни, о которой современники говорили, что она «хуже жизни скота». Когда молодая буржуазия начала создавать новую Францию — Францию человеческой свободы, — она так высоко ценила эту жизнь, эту новую, ею создаваемую, жизнь, что верила в то, что стоит погибнуть, лишь бы победила революция. Вспомните историю французской революционной армии: в ней была та же неурядица, что и у нас. Старый офицерский состав был против революции. Молодая армия была недисциплинирована, — ей не доставало самого необходимого. Был момент, когда один из вождей Французской революции, Сэн-Жюст, приехав в армию и увидев, что она сражается раздетая и разутая, приказал раздеть жителей города, чтобы одеть армию. Эта голодная, необученная, неодетая армия, без хороших полководцев, научилась сражаться за дело Французской революции не на жизнь, а на смерть. Она сумела отбросить атаки всех современных ей королей, которые организовали поход против Франции, — такой же поход, от которого мы отбиваемся уже в течение трех лет. Читая письма и мемуары людей, которые жили в ту эпоху, что увидим мы? Мы увидим глубокую веру этих людей в то, что жизнь, за которую они сражаются, будет так хороша, что стоит за нее умереть. И чувство ценности новой жизни, которую строила буржуазия, было так сильно, что даже, когда членам этого молодого класса приходилось погибать в гражданской войне, когда приходилось ожидать смерти в тюрьме, они перед лицом

самой смерти еще верили, что стоит жить. Прочтите оставшиеся письма Камилла Демулена. Он был одним из самых выдающихся молодых революционных писателей молодой революционной буржуазии. Как принадлежавший к правому крылу революции, к ее, так сказать, меньшевикам, он попал в тюрьму,—его бросили в тюрьму представители более радикального крыла, его собственный друг Робеспьер. Камилл Демулен в тюрьме не понимал смысла борьбы правого крыла буржуазной демократии с левым крылом. Ему казалось, что он погибает по недоразумению, случайно. Он пишет в письме к своей жене, что он «смотрит через решетку тюрьмы, видит ее и любимого своего ребенка, и все в нем внутренне потряслось». Но даже в этом момент,—момент, когда представитель молодой революционной буржуазии погибает с убеждением, что он гибнет несправедливо, он все-таки так высоко ценит общее дело революции, что перед лицом своего ребенка, которого оставляет, которого страстно любит, перед лицом своей молодой жизни, которая должна быть прекращена, он ни на один миг не поднимает руки, чтобы проклясть революцию, которая привела его молодую голову к эшафоту, где ему через несколько часов придется умереть. Или читайте письма сознательных солдат, сынов буржуазии или крестьян. Они все полны глубокой веры в новую жизнь, которую надо защищать грудью. Буржуазия верила, что она создает общество, в котором жить всем людям будет лучше. И именно потому, что она так высоко ценила свою новую жизнь, она бесстрашно смотрела смерти в глаза.

Прочтите философскую или экономическую литературу этой молодой буржуазии, даже в самых ее жестоких проявлениях вы увидите неслыханно-глубокую веру в жизнь. Возьмите буржуазного философа и экономиста тех времен — Мальтуса. Он говорил, что люди, которые гибнут в экономической борьбе от голода, от холода, это — наименее ценные, неприспособленные к жизни люди. Пусть они умрут: те, которые останутся, будут самыми даровитыми людьми, и они создадут самую прекрасную жизнь. Это возмутило против Мальтуса всех социалистов. Они обрушились на него брошюрами и книгами. Наш великий учитель Маркс называл его «подлым по-

пом», который защищает капиталистический мир, обрекающий людей на голодную смерть. Столь жестокую философию Мальтус мог открыто проповедывать только потому, что буржуазия так верила в свою великую историческую миссию, что не боялась открыто указать на путь страданий, через который капитализм ведет человечество к счастью. Стоит жить для этого строя, стоит за него умирать. Эту веру вы найдете во всех национальных войнах буржуазии XIX века, войнах за создание условий, необходимых для развития капитализма. Эта вера двигала той тысячей молодых итальянцев, которые под руководством Гарибальди бросились в бой за освобождение Италии. Тысяча человек поднялась с оружием в руках, чтобы освободить свое отечество, шла на смерть с глубокой верой, что их смерть даст счастье миллионам. С такой же верой погибали в войнах за объединение Германии молодые сыны германской буржуазии. Буржуазия двигала вперед дело общественного развития, она верила в свою будущность, верила в то, что она создает общество счастливых людей. Она так высоко ценила жизнь, что знала, что стоит за эту жизнь умирать.

В конце XIX века такого настроения, такой веры вы уже не находите в буржуазной литературе. В военных школах курсантов буржуазных армий учили: нет ничего выше, чем идеал отечества, за это отечество стоит умирать. Но каждый из этих сыновей буржуазии, если он смотрел вокруг себя, если он был мало-мальски честным человеком, видел, что за жизнь, которую создала буржуазия, погибать не стоит. Что же он видел вокруг себя? Где было равенство, о котором говорила буржуазия? Он видел, как маленькая кучка людей держит в своих руках источники всего, что дает человеку возможность развернуться и жить. Маленькая кучка людей держала в своих руках всю промышленность, все земледелие. Она управляла государством, она жила великолепно. Она могла развиваться, учиться, наслаждаться всем, а широкие массы народа заведомо держались в темноте, на положении рабов. И если сыновья буржуазии хотели бы не видеть, то жизнь кричала им об этом. Они видели грандиозные забастовки рабочих, видели, как буржуазия принуждена выдумывать против рабочих особые законы, как она пре-

следует рабочую печать, и, когда мыслящий сын буржуазии спрашивал себя, что такое это отечество, он получал ответ в словах Густава Эрве, тогдашнего бунтовщика, а теперешнего лакея французской буржуазии: «Это есть отечество богатых, и кто погибает за это отечество, тот погибает для того, чтобы и в будущем маленькая кучка богатых эксплуатировала десятки миллионов бедных, чтобы трудящийся народ был рабочим скотом, чтобы он никогда не мог разогнуть свою спину». И ничего не было удивительного в том, что наиболее чуткие люди буржуазии начали относиться насмешливо к идее отечества, к идее героической смерти за отечество. Лет 15-16 назад один из самых талантливых английских писателей, Бернард Шоу, сочинил комедию под заглавием «Герои», которую ставили и в России. Он изображает в ней болгарско-сербскую войну. Швейцарский специалист-офицер, который из любви к военному искусству принимает участие в этой войне, высмеивает военное геройство. «Что вы рассказываете о военном геройстве,— говорит он,— часть людей умирает потому, что их принуждают, умирает, или проклятая войну, или, как скот, ничего не говоря, и это славные герои... Посмотрите на колени этих героев-кавалеристов: у них все колени изранены, ибо, когда лошадь несется в бой, они, боясь смерти, удерживают лошадь всеми силами».

Эта комедия, высмеивавшая идею геройства, доказывавшая, что не стоит умирать за отечество, обошла весь мир, и все смеялись: «какой остроумный человек; нет отечества, не стоит умирать». Конец XIX века, это — сумерки буржуазных богов. Их литература, философия показывают, что буржуазия изверилась в своей исторической миссии, что самые лучшие из ее сынов начали понимать: жизнь, творимая буржуазным классом, пустая, бессодержательная, нечеловеческая жизнь. Слова об отечестве, о героической смерти на поле брани звучали как насмешка. Но буржуазная идея геройства должна была еще раз разгореться ярким пламенем, чтобы навеки погибнуть.

Усилившись благодаря экономическому подъему последних лет XIX века, буржуазия бросилась захватывать громадный азиатский и африканский континенты. Перед ней встали новые задачи: сеть железных дорог, паро-

ходных сообщений связать мир, подчинить себе последние уголки земного шара. Сколько романтики таилось для сынов буржуазии за морями и реками, куда надо было проникнуть с оружием в руках! Империализм,— политика захвата мира для капиталистов,—сделался для капиталистического общества новой возвышенной верой. Буржуазная молодежь, служа корыстным интересам кучки синдикатчиков, воображала, что она идет в бой завоевывать мир для культуры, что она расширит горизонты человечества. Писатели, философы, поэты расширяют старую идею отечества. Они проповедуют геройский подвиг во имя расширения влияния их «национальной культуры» на новые страны. Мировая война доказала, какие широкие круги охватило это пламя. На войну шли с одушевлением не только сыновья буржуазии. По всей Европе на зов буржуазии поднялись и народные массы, которым буржуазия обещала, что победа сделает их свободными, счастливыми гражданами.

Миллионами лежали солдаты в окопах, под вихрем ураганного огня, терзаемые голодом, холодом и болезнями. У них было достаточно времени, чтобы задуматься над целями войны: представители всех буржуазных отечеств, ругаясь с трибун парламентов, разглашали правду о целях войны... Если английский министр разоблачал Германию в том, что она воюет за то, чтобы у нее не было отнято право эксплуатировать Турцию, Балканы, то английский солдат говорил себе: да, это правда, но ведь английское правительство не для того воюет, чтобы освободить турок, а именно для того, чтобы вырвать их из рук германских капиталистов и отдать в руки английских. Солдаты видели, как война везде усиливает власть самых реакционных, самых грабительских элементов. Они видели, как во всех странах, воюющих якобы во имя блага народа, народные массы брошены на ограбление кучке спекулянтов, набивающих карманы в то время, как семьи солдат терпят крайнюю нужду. За идеей «защиты отечества» показалось жадное лицо ростовщика. Отечество оказалось отечеством богатых.

Война кончилась раньше, чем растущее во всех странах разочарование солдат привело их к восстанию. А когда солдаты вернулись домой,— что увидели они? Для них